ПАВЕЛ КУТУЕВ,
кандидат социологических наук, доцент Национального университета "Киево-Могилянская академия"

Зависимость, недоразвитие и кризис в социологии развития недоразвития Андре Гундера Франка: критический анализ

Abstract

The article is an attempt to analyze and evaluate the relevance of Andre Gunder Frank's radical sociology of dependency and development of underdevelopment which dominated the critical sociologists' thinking on "development" in 1960–1970s and is being revoked for the analysis of the contemporary world-system problems, including growing inequality and debt crisis of "the Rest". Frank's research program is juxtaposed with a Weberian approach to the development and modernization. Although Frank's criticism of the formula "Western capitalism equals modernity", with the latter being the model to be imitated by "the Rest" of the world, including former second world, has merit, its structural-economic bias is rejected in favor of the more nuanced sociology of modernity informed by Max Weber. The paper also discusses the applicability of Frank's notion of dependency to the post-Leninist countries, focusing on Ukraine. It is argued that this concept has a powerful explanatory potential and should be taken seriously by the Ukrainian social-science community.

Придерживаться буржуазного стиля жизни означало ценить порядок, моральные добродетели, вежливость, сотрудничество, образование, финансовый успех, комфорт, уважение со стороны других, гордость за своих потомков, но, более всего, домашний покой и согласие. В глазах Конрада все это напоминало рай.

Т.Вулф

Недоразвитие является необходимым продуктом четырехсот лет капитализма.

А.Г.Франк

Введение: исследовательская проблематика А.Г.Франка и актуальность задачи ее экспликации

Ни одно исследование истории и современного состояния общей проблематики теоретизирования в рамках социологии развития и модернизации не может обойти вниманием детальный анализ взглядов Андре Гундера Франка на общественное развитие, его тенденции и направления. Вместе с тем систематическая экспликация Франкового вклада в социологическое теоретизирование в отечественной литературе отсутствует, несмотря на релевантность идей Франка о современном положении украинского общества. Поэтому моя статья имеет *целью* как *анализ* взглядов Франка в контексте разработанной им теории зависимости и развития недоразвития (далее — ТЗРН), так и оценку их адекватности (концептуальной и практической) задачам развития и модернизации обществ в сравнительно-исторической перспективе и Украины в частности. Практическая *актуальность* критического анализа взглядов Франка на зависимость и недоразвитие заключается в том, что, по наблюдениям таких исследователей, как М.Буравой и П.Нолан [1], страны бывшего "второго мира" приобретают черты "третьего мира", поэтому на них распространяются отношения зависимости, способствующие развитию недоразвития. Франк принадлежит к наиболее ярким представителям леворадикальной критической социологии, и хотя он заявлял, что никогда не считал себя марксистом (не возражая, когда такую ориентацию ему приписывали другие), мышление этого исследователя находилось и находится под ощутимым влиянием марксистской традиции. Учитывая популярность суррогатных идей западного (нео)либерализма в среде исследователей постленинских государств, важно дать оценку исследовательской программе, подвергавшейся жесткой критике со стороны как западного — преимущественно американского — академического истеблишмента, так и "советского марксизма-ленинизма".

Интеллектуальную *актуальность* очерченных выше задач усиливает тот факт, что социально-политическое исчезновение ленинизма сопровождалось своеобразной "сменой вех" теоретико-методологических ориентиров, следствием чего явилось перенесение ленинско-сталинских процедур прочтения Маркса на его "буржуазного" оппонента — М.Вебера. Место "пролетариата-идола", наделявшегося сакральными характеристиками и лишенного каких-либо "профанных" черт, связанных с его эмпирическим существованием, теперь занимают другие социальные образования. Например, в случае российского веберолога-веберианца Ю.Давыдова, такой общественной силой становятся низшие слои немецкого среднего класса, которые, благодаря своей роли в возникновении современного промышленного капитализма, приобретают "социологический иммунитет" и освобождаются от любой ответственности за патогенез немецкого социума в направлении нацизма. Особый путь Германии весьма убедительно анализировал Э.Фромм, который из-за этого становится объектом инвективы со стороны Давыдова: "...как видим, именно тот общественный слой, который, согласно М.Веберу, обеспечил своим неустанным трудом процветание Запада, третируется Э.Фроммом как изначально "фашизоидный" [2, с. 281]. Позитивный вклад в экономическое развитие становится пожизненной индульгенцией — против чего, по иронии истории, выступали те же "аскетические буржуа" — и оправдывает таким образом любые сломы (breakdowns) модернизации, об-

условленные иррациональными коллективными действиями тех или иных социальных сил. Поэтому Давыдов оставляет без внимания такой неопровержимый социальный факт, как поддержка нацистского режима со стороны воспетых российским социологом средних слоев, составлявших более половины членов национал-социалистской рабочей партии Германии [см.: 3, с. 307]. (Разумеется, это не делает их единственным "виновником" победы нацизма.) Аналогично российский исследователь полностью игнорирует и роль колониальной экспансии в развитии капитализма. Давыдов недооценивает неоднозначность Веберового отношения к модерну и капитализму в частности: немецкий мыслитель ни в коей мере не пытался противопоставлять Марксовому апокалиптическому видению капитализма пеан в адрес этого типа социального строя (еще менее он был склонен идеализировать социальную/экономическую/политическую/культурную действительность Германии [см. напр.: 4, с. 29–30]). Именно трезвость Веберовых оценок положения современного ему общества и перспектив развития последнего выгодно выделяется на фоне Марксового хилиастического ожидания "прыжка в царство свободы". Восприятие Вебера сквозь гегелевско-марксистскую призму и приписывание ему идеи линейного прогресса в развертывании активистской картины мира не позволяет применять собственно веберовские социологические категории к анализу патологий модерна, оставляя эту проблематику на откуп левым радикалам, чье трактование контроверсийных социальных феноменов — начиная от франкфуртцев — часто (хотя и не всегда) страдает идеологической и политической однобокостью.

Такой экскурс в область социологии знания — необходимая составляющая реконструкции истории социологической теории и осознания роли как присутствия персоналий социологов-теоретиков, так и отсутствия их в социологическом дискурсе (подробнее см. : [5]). Представленный выше анализ восприятия идей Вебера в постсоветском контексте также демонстрирует необходимость *синтеза* исследовательских программ, позволяющего выйти за горизонт одной парадигмы и освободить социальный анализ и от апологетичности, и от безосновательного критицизма, что, в свою очередь, даст возможность избежать априоризма в определении роли социальных сил в развитии общества.

Исследование идей Франка с позиций синтеза предпринимается *впервые*, хотя именно такой подход — в духе Гидденсового "за пределами правых и левых" — способствует преодолению жестких теоретических/идеологических дихотомий, доставшихся в наследство от противостояния ленинских и либеральных режимов времен холодной войны.

Зависимость и развитие недоразвития третьего мира

Вряд ли покажется преувеличением утверждение, что имя Франка как социолога прежде всего ассоциируется с его концепцией развития недоразвития. Предложенная в 60-х годах прошлого века, эта теория революционизировала взгляды на факторы отсталости третьего мира и какое-то время даже служила "идеологией" левых интеллектуалов, пытавшихся объяснить истоки подобного недоразвития и преодолеть его.

В трудах периода разработки ТЗРН Франк предлагает рассматривать отсталость третьего мира вовсе не как имманентный феномен, присущий обществам географического ареала за пределами Запада вследствие их со-

циокультурной отсталости (ориентации на предписание, например), доиндустриальной экономики и структурной недифференцированности, особенно в политической сфере (то есть из-за их традиционности, в терминах классической парадигмы модернизации (далее — КПМ), или в результате нахождения на низшей, феодальной формационной ступени, с точки зрения исследователей-марксистов). Напротив, он усматривает в этом результат влияния капиталистического Запада на остальной мир; влияния, принявшего форму колонизации. Соответственно, Франк отвергает рецепты преодоления этой отсталости, предлагаемые как КПМ (переход к модерному обществу путем копирования западных образцов), так и марксизмом (борьба за буржуазную революцию, которая приведет к формированию пролетариата, способного осуществить социалистическую революцию). По мнению Франка, все эти предположения были ошибочными, поскольку игнорировали факт высокого развития многих неевропейских цивилизаций, а также не учитывали невозможности имитации западной траектории развития в радикально отличных условиях, созданных колониализмом.

Разрабатывая свою концепцию, Франк надеялся, что ТЗРН станет голосом периферии и ее ответом/вызовом интеллектуально-идеологической гегемонии Запада. Другой пионер ТЗРН, бразильский социолог Теотонио Дос Сантос, находившийся под сильным влиянием Франковых идей, предложил следующее определение феномена зависимости: "...под зависимостью мы понимаем такую ситуацию, при которой экономика конкретной страны определяется развитием и экспансией другой экономики, при этом первая подчинена второй. Отношения взаимозависимости между двумя или большим количеством экономик приобретают форму зависимости в тех случаях, когда некоторые страны (господствующие) могут расширяться и быть самодостаточными, тогда как другие страны (зависимые) могут осуществлять это лишь таким образом, который является реакцией на экспансию первой группы стран, что, в свою очередь, может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на их развитие" [6, с. 252].

Франк формулировал положения своей теории на фоне глубокого кризиса политико-экономической парадигмы Экономической комиссии ООН по Латинской Америке (ЭКЛА), основанной в 1947 году, пик влияния которой пришелся на 50-е годы прошлого века. Рекомендации последней требовали от правительств протекционистской экономической стратегии и индустриализации, призванной удовлетворить потребности рынка в импорте с помощью собственной экономики (так называемая *import substitution industrialization*, далее — ISI). Впрочем, надежды на то, что выполнение этих рекомендаций обеспечит стабильное экономическое развитие, благосостояние и демократизацию, не оправдались. Идеолог ЭКЛА Р.Пребиш настаивал на необходимости протекционистских тарифов на начальной стадии индустриализации, а также на важности импорта капитала. Поспешная индустриализация нередко приводила к игнорированию традиционных добывающих отраслей, ориентированных на экспорт, что повлекло за собой негативный баланс платежей для большинства государств региона. ISI не ограничила зависимость от импорта; зависимость просто изменила свой характер: на место зависимости от импорта продуктов потребления пришла зависимость от импорта капитала, более того, как замечал Дос Сантос, "ISI ставит промышленный рост в зависимость от доходов в свободно конвертируемой валюте, полученных от экспорта" [7, с. 154]. Ради увеличения валютных

резервов латиноамериканские государства начали проводить политику “конфискации” доходов в свободно конвертируемой валюте, компенсируя их в национальной валюте и принуждая землевладельцев и коммерческих экспортеров сырья и природных ресурсов к инвестированию на внутреннем рынке. Реформистски настроенная ЭКЛА была связана с интересами латиноамериканской буржуазии, а последняя категорически выступала против конфликта с латифундистами и проведения политики земельной реформы, которая бы способствовала более равномерному распределению доходов сельского населения, а значит, и повышению покупательной способности внутреннего рынка. Начало 1960-х годов ознаменовалось глубоким экономическим кризисом и усилением политической нестабильности, обуздать которую пытались военные авторитарные режимы.

По справедливому замечанию Д.Широта, “американское поражение во Вьетнаме и взрыв серьезных радикальных проблем в середине 60-х годов XX века, сопровождавшиеся хронической инфляцией и девальвацией доллара США, а также общая неуверенность Америки в своих силах в начале 1970-х годов привели к исчезновению моральных убеждений, служивших основанием модернизационной теории. Среди молодых социологов стал популярным новый тип теории, которая пересмотрела все прежние аксиомы. Америка превратилась в модель зла, а капитализм, рассматривавшийся как фактор социального прогресса, приобрел черты зловещего эксплуататора и основного агента нищеты практически во всем мире. Империализм, а не отсталость и отсутствие модерна — вот новый враг” [8, с. 259–260].

На фоне реформаторско-поступательной стратегии ЭКЛА и нежелания ленинских режимов активно поддерживать радикальные революционные движения, особенно в случае сохранения последними собственной идентичности и автономии, начинает формироваться новая теоретическая парадигма — периферийная версия неомарксизма, стремившаяся анализировать не столько ситуацию внутри империалистических стран Запада, сколько их негативное влияние на остальной мир. Отрицание буржуазной революции как предпосылки революции социалистической (такая двухступенчатая модель опиралась на генерализацию событий начала XX века в Российской империи) логически вело к положению о готовности “новых государств” к революции, движущей силой которой должен стать не урбанизованный пролетариат, а крестьянство, для которого средством достижения политического доминирования была партизанская война. Поэтому требование ортодоксального марксизма об обязательном “ожидании” буржуазной революции, которая должна предшествовать социалистической, отвергалось как не прошедшее проверки практикой в свете победных революций в Китае и на Кубе.

Опираясь как на достижения ЭКЛА, так и на исследования колониального общества, аграрного вопроса и экономической истории региона латиноамериканскими учеными, Франк начал разработку ТЗРН, целью которой было решение двух взаимосвязанных задач: а) подвергнуть критике основы КПМ; б) предложить теоретическую альтернативу последней.

Критика Франком теории модернизации получила статус классической, а ее результаты инкорпорированы в дискурс тех исследователей, которые отрицают методологическую корректность сравнения реалий третьего мира с идеальным типом Запада (ведь идеальный тип, по определению самого Вебера, это не более чем утопия) [см., напр.: 9]. Его интеллектуальная

атака выгодно отличается от неглубокого полемизирования с КПМ ради самого полемизирования в стиле американского социолога Дж.Гасфелда [10], который, оставаясь внутри теоретической системы координат КПМ, предложил неудачную реинтерпретацию ее ключевых категорий, которая отнюдь не способствовала преодолению кризиса модернизационного дискурса из-за поверхностной дескриптивности ее аргументации.

Франк считает, что категории Парсонсовой социологии, представлявшие собой пресуппозиции КПМ (особенно типичные переменные действия), не имеют никакой географической "привязки", а потому не могут рассматриваться как эксклюзивное достояние только одного типа обществ (а таким образцом для Парсонса были Запад в целом и США в частности). Франк доказывал, что традиционалистская периферия в реальности проявляет способность к универсализму (одной из манифестаций которой становятся всеобщие забастовки пролетариата), а западная доктрина либерализма служит воплощением диффузности (хотя диффузность приписывается именно "традиционным" обществам) и не может классифицироваться как индикатор функциональной специфичности, а отсюда — культурного преимущества Запада. Более того, экспорт доктрин экономического либерализма, по мнению Франка, — это отражение партикуляристских интересов метрополиса. Это же касается такой уникально западной, с точки зрения КПМ, переменной, как ориентация на успех, противостоящая традиционалистскому предписанию. Франк считает, что оценка релевантности этой концепции требует ее аналитической дифференциации на такие субкатегории, как "вознаграждение, отбор и мотивация. Действительно, в США вознаграждение за выполнение ролей существенно зависит от достижений их носителей. Однако отбор носителей ролей, хотя, наверное, и зависит от достижения, когда это касается среднего класса, как правило, основывается на предписании, причем это свойственно как высшим слоям, руководящим бизнесом.., так и неимущим массам, формирующим так называемую другую Америку..." [11, с. 26]. В политической сфере западных обществ Франк также фиксирует всеприсутствие партикуляризма, предписаний и диффузности. Ярким примером, по его мнению, служит то, что получило название "привилегированная позиция бизнеса" в принятии политических решений, и эгоистически-персоналистский энтузиазм американских ученых по поводу возможности участия в реализации политики сдерживания коммунизма. В частности, стенфордский экономист Ю.Стенли разработал концепцию "стратегических поселений", куда следовало переместить крестьян Южного Вьетнама. Инициатива имела целью изоляцию Вьетконга в сельской местности, с одной стороны, и "модернизацию" крестьянства — с другой. Реальность "стратегических поселений" скорее напоминала концентрационные лагеря. Если лозунг американских военных во вьетнамской войне лаконично сформулировал генерал К.Лемей: "Мы загоним их (вьетнамцев. — *П.К.*) бомбардировками в каменный век", то представители теории модернизации считали, что бомбардировки приведут к модернизации Вьетнама, хотя и насильственной.

Разрабатывая собственную теорию, Франк опирался на политико-экономические идеи П.Берена, замечавшего, что западный капитализм "эффективно разрушил все то, что оставалось от "феодальной" целостности *отсталых* (курс. мой. — *П.К.*) обществ. Он (капитализм. — *П.К.*) заменил патерналистские отношения, сохранявшиеся веками, рыночными контрактами. Он переориентировал частично или полностью самодостаточные эконо-

мики сельскохозяйственных стран на изготовление товаров для рынка. Он соединил их экономическую судьбу с арьергардом мирового рынка и связал ее с температурной кривой международного движения цен" [12, с. 76]. Пассаж Берена отражает амбивалентность позиции марксизма по отношению к капиталистическому развитию и роли Запада в этом процессе: подчеркивая разрушительные социально-экономические последствия проникновения Запада в "остальной" мир, марксисты, тем не менее, рассматривали глобальную (можно даже сказать, глобализационную) экспансию капитализма как возможность встать на рельсы "прогресса". Вот почему пеан Маркса в адрес динамической роли капитализма в "Манифесте коммунистической партии" не слишком отличается от картины британской гегемонии, представленной примерно в то же время (в 1865 году) одним из создателей теории предельной полезности У.Джевонсом: "Равнины Северной Америки и России являются нашими хлебными полями; Чикаго и Одесса являются нашими зернохранилищами; Канада и Прибалтика — это наш лес; Австралия имеет наши овечьи фермы, а в Аргентине и в западных прериях Северной Америки находятся наши стада рогатого скота; Перу присылает нам свое серебро, а золото Южной Африки и Австралии стекается в Лондон; индийцы и китайцы выращивают для нас чай, а наши плантации кофе, сахара и пряностей разбросаны по всей Индии. Испания и Франция — это наши виноградники, Средиземноморье служит нам фруктовым садом; наши хлопковые плантации, долгое время находившиеся в южных Соединенных Штатах, отныне расположены во всех теплых регионах земли" [цит. по: 13, с. 194].

Франк существенно корректирует позицию Берена и отказывается от понятия *отсталости*. Согласно Франку, "отсталость" — это концепция, лишенная содержания вне исторического контекста: в XVIII веке Индия и Китай совершенно не подпадали под категорию отсталых обществ (в 1800 году доля Китая в мировом промышленном производстве составляла 33,3%, а Британии — всего 5,6%. За сто лет удельный вес Британии увеличился более чем вчетверо, а Китая — уменьшился почти впятеро [13, с. 190]). Франк отрицает и "прогрессивность" влияния западного капитализма на периферию (Берен в другом своем исследовании также продемонстрировал, как британское правление привело к упадку Индии [14]). Франк отбросил идею о внутренних факторах недоразвития (как продукта доминирования принципа предписания за счет достижения и партикуляризма вместо универсализма, согласно модели КПМ, или как результата консервации феодальных отношений, согласно марксистским объяснениям). Подавляющее большинство стран периферии отличается от Запада тем, что испытали колониальное господство Запада, тогда как последний никогда не имел такого исторического опыта. Колониальная экспансия западного капитализма полностью реструктурировала общественные отношения стран, попадавших в его орбиту, и радикально изменила способ их развития, сначала затормозив, а затем изменив направление эволюции ранее вполне динамичных обществ в сторону недоразвития. Эти тезисы Франка подтверждают и другие исследователи. Так, индийский ученый А.Багчи отмечает, что "колониальное ограбление Индонезии необычайно способствовало голландской индустриализации и возвращению Нидерландов в западноевропейский клуб зажиточных наций" [15, с. 428].

В своем программном эссе "Развитие недоразвития" [16] Франк формулирует базовые предположения и гипотезы ТЗРН. Сосредоточившись на

случае Латинской Америки, Франк утверждает, что этот регион страдает от колониального недоразвития, которое обусловливает зависимость — экономическую, политическую и культурную — его обществ от внешней метрополии (следует заметить, что последнему элементу этой "триады" Франк уделяет недостаточное внимание). Франк объясняет феномен постоянного воспроизводства недоразвития, которое он терминологически определяет как *развитие недоразвития,* с помощью модели "метрополис–сателлиты". История последней уходит корнями в завоевание "Нового света" и основание конкистадорами городов для инкорпорирования коренного населения в экономическую систему, основанную завоевателями ради передачи добавочного продукта из колонии в метрополис. "Эти отношения по образцу "метрополис–сателлиты", — пишет Франк, — не ограничиваются имперским или международным уровнем. Они проникают повсюду и структурируют экономическую, политическую и социальную жизнь латиноамериканских колоний и стран. Равно как колониальная и национальная столица и их экспортный сектор становятся сателлитами иберийских (а позже и других) метрополисов мировой экономической системы, этот сателлит, в свою очередь, становится колониальным, а со временем и национальным метрополисом по отношению к производственным секторам и населению остальных стран. Более того, столицы провинций, сами являющиеся сателлитами национального метрополиса — а через него и мирового метрополиса, становятся провинциальными центрами, вокруг которых формируется орбита локальных сателлитов. Таким образом, целая цепь констелляций метрополисов и сателлитов соединяет все метрополии в Европе или США с самыми отдаленными форпостами в латиноамериканских поселках" [16, с. 6]. Следствием включения в мировое капиталистическое *развитие* становится *недоразвитие.* Франк утверждает, что его исследование случая Чили убедительно продемонстрировало, что колонизация не просто полностью инкорпорировала эту территорию в мировой капитализм (сначала меркантилистский, а затем промышленный), но и ввела монополистическую структуру "метрополис–сателлит" и "капитализацию" чилийской экономики и общества. Несмотря на различия, существующие между разными эпохами в истории капитализма (колониализм, свободная торговля, империализм), Чили, по мнению Франка, всегда характеризовалась структурой сателлитарного недоразвития, который со временем только углублялся. Если же сателлитарное *развитие* и имело место, оно никогда не приобретало свойства самовоспроизводства, а потому мгновенно возвращалось на траекторию недоразвития, стоило метрополису потерять интерес к эксплуатации тех или иных ресурсов сателлита. Даже индустриализация отдельных регионов Бразилии (например, Сан-Паулу в 30–40-х годах XX века) не привела к остановке цикла сателлитарного развития и недоразвития, поскольку всегда имела своим результатом преобразование других регионов страны во внутренние колонии-сателлиты, лишала их капиталов и таким образом углубляла недоразвитие. Итак, причина недоразвития "третьего мира" заключается не в наличии структур двойственного общества (отсталое, традиционное, феодальное versus прогрессивное, модерное, капиталистическое), а выплывает из того, что *капиталистическая система носит всемирный характер*. Применение такой модели дает Франку основания утверждать, что в пределах мировой капиталистической системы координат развиваться могут исключительно метрополисы, тогда как сателлиты обречены на недоразвитие. На-

иболее убедительным подтверждением приведенных выше предположений служит пример таких национальных регионов-метрополисов, как Буэнос-Айрес и Сан-Паулу, рост которых начался в XIX веке (то есть не был связан с влиянием колониального наследия), но так и не привел к преодолению порочного круга сателлитарного развития, зависящего от внешних метрополисов — сначала британских, а затем американских.

Франк был глубоко убежден, что сателлиты достигают наивысшей степени своего экономического "развития" в те периоды, когда их связи с метрополисом оказываются ослабленными. По его мнению, самое важное развитие, учитывая индустриализацию, произошло в Латинской Америке во время двух мировых войн и Великой депрессии, то есть тогда, когда из-за кризиса мирового метрополиса (военно-политического и/или экономического) интенсивность экономических отношений с ним была наименьшей. Географическая отдаленность, способствующая изоляции, также рассматривается как "конкурентное преимущество": такие регионы, например Сан-Паулу в XVII–XVIII веках, становились центрами мануфактурного производства и экспорта, но это развитие прекращалось с инкорпорацией их в колониальную, национальную и капиталистическую мировую систему.

Пример успешного развития Японии эпохи Мейдзи, считает Франк, подтверждает его гипотезу: индустриализация Японии удалась, несмотря на отсутствие природных ресурсов, что компенсировалось несателлитиризированностью, тогда как развитие богатых в этом смысле стран Латинской Америки или России было структурно ограниченным вследствие их сателлитарного статуса.

Возобновление потенциала метрополиса благодаря преодолению кризиса и реинкорпорация изолированных регионов в мировую капиталистическую систему приводит к остановке развития или его субординации внешним целям, делающим невозможными его стабильность и перспективность. Последствия инкорпорации регионов, которые раньше не имели статуса сателлитов, гораздо более трагичны: подчинение Буэнос-Айреса Британии и введение режима свободной торговли, отвечавшего интересам обоих метрополисов, повлекло за собой почти полное разрушение производственного сектора экономики Аргентины, а земельная собственность была сконцентрирована в латифундиях, ориентированных на экспорт. Попытка Парагвая сохранить свою экономическую автономию вызвала агрессию против него Тройственного союза (Аргентины, Бразилии и Уругвая) в 1864–1870 годах, которую поддержал Лондон, в результате чего население этой страны сократилось почти вдвое.

Подобная интерпретация влияния метрополиса на сателлитов делает понятным еще один тезис Франка: "Регионы, являющиеся ныне наиболее недоразвитыми и напоминающие феодальные, имели самые тесные связи с метрополисом в прошлом" [11, с. 13]. Участие этих регионов в развитии мировой капиталистической системы придало им типичную структуру недоразвития капиталистической экспортной экономики (причем эта структура недоразвития закладывалась в моменты наивысшего развития сателлитов, связанного с интересами метрополиса). "Когда исчез рынок сбыта для сахара из регионов-сателлитов или богатство их шахт иссякло, — пишет Франк, — метрополис бросил их на произвол судьбы, тогда как существующая экономическая, политическая и социальная структура этих регионов не позволяла осуществлять автономное продуцирование экономического раз-

вития и не оставила им никакого выбора: они могли только замкнуться в себе и дегенерировать в сторону ультранедоразвития, что мы можем наблюдать и сегодня" [11, с. 13].

Развитие латифундий тоже происходило в ответ на императивы капиталистической системы, что служит еще одним аргументом против распространенного мнения об их полуфеодальном характере (И.Валлерстайн воспользовался этими тезисами Франка для построения собственной теории современной мир-системы).

Франк считал, что предположение ТЗРН, методологическими ориентирами которой должны были служить холлистский, исторический и структурный подходы, отвечали политическим потребностям *освобождения* от уз развития недоразвития (акцент Франка на политическом действии и социальной справедливости превратился в важный источник вдохновения для латиноамериканской "теологии освобождения").

Динамика кризиса мировой капиталистической системы

В начале 70-х годов XX века Франк констатировал, что важность ТЗРН с точки зрения Марксового критерия — вклада не только в объяснение мира, но и в его преобразование — стала самоочевидной. (Сам Франк никогда не скрывал политизированности своей теории, черпавшей вдохновение в опыте кубинской революции [16, с. 358].) Если ЭКЛА предлагала исключительно реформистские пути преодоления зависимости, а компартии просто повторяли базовые положения советской "антиимпериалистической" пропаганды, ТЗРН "оказалась полезной, учитывая изменение мира, хотя она не революционизировала мир, несмотря на надежды своих приверженцев и опасения оппонентов" [16, с. 357]. Однако, по мнению Франка, пик достижений ТЗРН одновременно ознаменовал завершение цикла ее развития и существования. Впрочем, это утверждение не означало окончания отношений зависимости: Франк призывал отказаться от теории, утратившей свой потенциал в качестве основы политического действия. И хотя Франк провозгласил смерть ТЗРН и начал исследование мировой капиталистической системы в терминах ее кризиса, его мышление продолжало оставаться под ощутимым влиянием категорий, разработанных во время предшествующего периода, поэтому данное исследование можно считать *логическим продолжением ТЗРН,* хотя и с определенными модификациями.

Анализируя процесс мировой аккумуляции, Франк пришел к выводу, что 70-е годы прошлого века явились периодом кризиса перенакопления капитала на Западе. Кризис определяется Франком как "решающий поворотный момент, полный опасностей и тревожной неуверенности, который потенциально может означать жизнь или смерть для больного, социальной системы или исторического процесса. Совсем не обязательно, что результатом будет смерть; кризис может породить новую жизнь, если — как это имеет место в нашем случае — экономическое, социальное и политическое тело способно к адаптации и претерпевает регенеративную трансформацию в течение периода кризиса" [17, с. IX].

Франк смягчает свои формулировки периода ТЗРН, когда он был склонен считать, что во время кризиса центра/метрополиса страны-сателлиты получают шанс на автономное развитие. Кризис первого мира, который, по Франку, начался в 1970 году, инициировал кризис и в мире третьем. Еще од-

ной особенностью 1970-х годов стала дальнейшая активизация участия социалистических стран в международном капиталистическом разделении труда и углубление их зависимости от ядра.

Если в начале 1970-х годов Валлерстайн был обязан Франку своим интеллектуальным развитием (в программных эссе, очерчивающих основания мир-системного анализа, Валлерстайн неоднократно ссылается на работы Франка периода ТЗРН и использует его аргументы как точку отсчета для собственного теоретизирования, что подтверждает, в частности, общий для обоих ученых тезис о капиталистической природе современной мир-системы, возникшей в XVI веке), то в конце 1970-х годов Франк начинает активно использовать концептуальный словарь своего коллеги (трехуровневая структура мир-системы, понятие полупериферии). Такая интеллектуальная конвергенция реализовалась в совместной работе этих двух авторов (к которым на разных этапах присоединялись С.Амин, Дж.Арриги и другие мыслители левого направления) над несколькими коллективными монографиями.

Краеугольным камнем исследования Франком кризиса является предположение о том, что ощутимые сдвиги в пространственном/секторном развитии происходят во время кризиса темпорально неравного развития, а следствием последней тенденции становится "дальнейший раздел мировой капиталистической экономики на старые и новые центры власти в метрополии, появляются дифференцированные экономики-посредники, колониальные и постколониальные экономики и государства-клиенты... " [17, с. 1–2]. Франк констатирует, что мировая капиталистическая экономика характеризовалась постоянной сменой ее центров-метрополий, возникновением новых экономик-посредников, а также существованием периферии и экономик за пределами мировой экономики (последний тезис противоречит Валлерстайновой концептуализации мир-системы как образования, охватывающего весь мир, который приобрел форму капиталистической мировой экономики): "передача лидерства и власти, — пишет Франк, — от старого центра к новому происходила, главным образом, во время периодов кризиса, когда старый центр оказывался не в состоянии перестроиться" [17, с. 1–2]. Сначала Британия, а затем США, воспользовавшись кризисами капиталистической системы, последовательно приобретали статус гегемона центра (термин, используемый Франком для обозначения стран, доминирующих в пределах мировой капиталистической системы, эквивалент Валлерстайнового "ядра"). Вслед за Валлерстайном Франк рассматривает полупериферию, или субимпериалистические страны как посредников между центром и периферией. В этом аспекте полупериферия в пределах мировой капиталистической системы выполняет функцию, аналогичную роли средних классов, связывающих капитал и труд в отдельных обществах. Страны полупериферии также помогают центру уменьшать его затраты на поддержание своего военно-политического господства над периферией, выполняя таким образом охранные функции относительно метрополии.

Кризис 1970-х годов явился закономерным следствием процессов, начатых массированным притоком иностранного капитала в страны третьего мира десятью годами ранее, что повлекло ускорение темпов развития некоторых стран. Так, темпы роста ВВП Бразилии в 1968–1974 годах составляли 10%. Но на фоне этого возрастания происходила интенсификация импорта технологий и оборудования странами третьего мира, причем такими темпами, что это превышало доходы от экспорта, а потому должно было финанси-

роваться с помощью внешних кредитов. В итоге резко возросла совокупная внешняя задолженность стран третьего мира. Бразилия, которую тогда считали образцом "экономического чуда" для других стран, прекрасно иллюстрирует данную тенденцию: если экспорт этой страны между 1964 и 1975 годами увеличился с 1,43 млрд долл. США до 8,2 млрд, то импорт за то же время увеличился с 1,25 млрд до 12,2 млрд, а задолженность этой страны за десять лет (1968–1978) возросла вдесятеро (с 4 млрд до 40 млрд долл. США)!

Начало мировой рецессии моментально развеяло миф о "бразильском чуде", поскольку импорт страны катастрофически увеличился из-за повышения цен на нефтепродукты, мировой инфляции, уменьшения инвестиций со стороны ТНК и всеобщего падения спроса на бразильский экспорт со стороны мировой экономики. Отказ от ISI, целью которой было выравнивание доходов населения и которая потенциально могла способствовать возникновению внутреннего рынка и проведению политики индустриализации, стимулируемой экспортом (*export led industrialization* — далее ELI), сопровождался систематическими мерами, направленными на уменьшение цены рабочей силы ради повышения прибыльности производства и стимуляции его конкурентоспособности. В результате этого, считает Франк, складывается ситуация, когда "все развитие ограничивается 5–20% населения, а остальные 80%, если не все 95%, не имеют доступа к его благам и лишены малейшего шанса на участие в нем из-за препятствий, создаваемых экономическими и политическими силами, а также военными" [17, с. 10]. Итак, на фоне бурного прогресса экономики интенсифицировались процессы перемещения центров принятия экономических решений за пределы Бразилии в центры международного капитала; постоянный рост потребности в импортных технологиях и капитале приводил к увеличению задолженности, а экономическое развитие, ориентированное на потребности состоятельных, лишь усиливало социальную поляризацию (заметим, что такая ситуация удивительным образом напоминает нынешнюю украинскую).

Ситуация, сложившаяся в экономике "центра" вследствие кризиса, отнюдь не способствовала проведению относящимися к нему государствами "альтруистической" внешней политики. Продовольственная помощь странам, крайне нуждающимся в ней, и различные займы правительство США теперь рассматривает как важный и эффективный способ достижения своих политических целей в третьем мире. Более того, вместо помощи начинается поощрение американского экспорта сельскохозяйственной продукции. Доминирующий в среде американской политической общности взгляд на проблему сформулировал Ден Элерман, сотрудник Совета национальной безопасности США: "Оказывать продовольственную помощь странам только потому, что там умирают от голода, — это весьма слабый аргумент" [цит. по: 17, с. 63]. Продовольствие начинают рассматривать как власть и оружие, а жесткие условия фискальной дисциплины, навязываемые МВФ странам-должникам, по словам одного остряка из кругов вашингтонского истеблишмента, обусловили свержение большего количества правительств, нежели это сделали Маркс и Ленин вместе взятые [17, с. 132]. Один из авторов парадигмы постразвития Артур Эскобар, чьи взгляды формировались под влиянием ТЗРН (подробнее об этой связи см.: [18]), эмоционально восклицал, что "когда люди страдают от голода, разве предоставление им продовольствия не является логическим ответом?" [19, с. 102], обосновывая свою позицию тем, что падение уровня производства продовольствия в

странах третьего мира непосредственно зависело от их ориентации на рынки первого мира и поэтому является виной последнего.

Результатом интенсивного использования достижений технологического прогресса в сельском хозяйстве в течение 1970-х годов становится возникновение феномена "агробизнеса" (термин предложен Р.Голдбергом из Гарвардской школы бизнеса). Впрочем, интеграция производителей сельскохозяйственной продукции третьего мира в мировую экономику и их ориентация на стили потребления метрополии только ухудшили их социальное положение и усилили социальную поляризацию, потому что переложили бремя и риск, связанный с инвестированием, исключительно на местных производителей, одновременно лишив их преимуществ прогресса из-за усиления зависимости от конъюнктуры внешних рынков. В агробизнесе доминировали транснациональные корпорации, проводившие политику активной скупки земель в странах третьего мира: к примеру, американские корпорации приобрели около 35 млн гектаров земли в Бразилии, что составляло 10% пригодных для сельского хозяйства территорий по цензу 1960 года. Многонациональный агробизнес начал проникать в сельское хозяйство третьего мира, превращая его в поставщика продукции как для местных слоев с высоким уровнем доходов, так и для внешних рынков. Такая экспортная ориентация обусловила ряд негативных последствий: уменьшение площадей, отводившихся для культивации основных продуктов потребления для местного населения, падение импорта такой продукции и рост производства "нетрадиционной" сельскохозяйственной продукции для экспорта в страны центра. В конечном счете наблюдалось уменьшение потребления основных продуктов питания подавляющим большинством населения третьего мира, происходившее на фоне возрастания экспорта в метрополии.

Сахельская засуха, острейшая форма которой повторяется с цикличностью раз в сорок лет, в очередной раз случилась в середине 70-х годов XX века, когда от голодной смерти погибло свыше четвери миллиона жителей этого региона. Такое огромное количество жертв "сахельского голодомора", как А.Эскобар назвал эту трагедию, объясняется не ухудшением природных условий, а "коммерческим сельским хозяйством, заражением пастбищ, уничтожением лесов и использованием воды для выращивания сельхозкультур на продажу, преимущественно на экспорт. Подобная деятельность в течение предыдущих десятилетий "развития" серьезно нарушила экологический баланс региона" [17, с. 87]. Последствиями голода были также: массовая продажа земли и скота беднейшими слоями сельского населения, а соответственно, концентрация этих ресурсов в руках меньшинства и маргинализация большинства.

В этом контексте заслуживает внимания объяснение Франком нехватки продовольствия в Чили во времена администрации С.Альенде. Если ортодоксальное объяснение — крайне популярное в кругах критически настроенных по отношению к практике "реального социализма" советских и постсоветских "интеллектуалов" — склонялось к обвинению в этом социалистически-распределительной политики, которую проводил Альенде, то Франк обращает внимание на резкий рост доходов малообеспеченных слоев населения, что, соответственно, привело к увеличению потребности в продуктах питания, которую сельское хозяйство страны не могло удовлетворить мгновенно [17, с. 74].

Смена ориентации многих стран третьего мира с ISI на ELI также, по мнению Франка, произошла под влиянием внешних факторов. С точки зрения Франка, “колониальные, а затем и неоколониальные, сателлитарные, или клиенталистские государства периферии, которые сначала назывались “неразвитыми”, потом “недоразвитыми”, а теперь “развивающимися”, долгое время участвовали в международном разделении труда, главным образом, благодаря экспорту первичных продуктов и импорту индустриальных изделий” [17, с. 96]. Стремление экономик Запада к снижению затрат на рабочую силу обусловило перемещение целых отраслей промышленности (прежде всего легкой, электроники, к которым позже присоединилось автомобилестроение) в страны третьего мира и даже “социалистического лагеря”. Поощрение экспорта как основы развития, по мнению Франка, не оправдало ожиданий, возложенных на эту политику странами третьего мира, поскольку не улучшило баланс платежей и не способствовало технологическому прогрессу и снижению безработицы. Хотя промышленность третьего мира в период между 1960 и 1975 годами росла темпами, превышавшими аналогичные показатели индустриальных капиталистических и социалистических стран (годовые темпы роста составляли 7,4% и 6% соответственно), это развитие распределялось крайне неравномерно, поскольку концентрировалось в относительно небольшой группе стран: “в Бразилии (24%), Мексике (11%), Аргентине (9%), Южной Корее (8%), Индии (6%), Турции (5%), а также Иране, Индонезии, Гонконге и Таиланде (от 2% до 3% на каждую страну)” [17, с. 98]. В период увлечения ELI, начавшийся в 60-е годы прошлого века, образцами успешного воплощения такой политики становятся Южная Корея, Тайвань, а также города-государства Гонконг и Сингапур. Не последнюю роль в поддержании экономической жизнеспособности и политической стабильности этих режимов сыграла внешнеполитическая поддержка, главным образом со стороны США, поскольку первые три государства рассматривались как важные союзники в борьбе с распространением ленинизма в Азиатском регионе.

Подобно тому, как ISI быстро исчерпала свой потенциал и пережила поражение, ELI столкнулась с аналогичными проблемами: потребность в импорте технологий для создания индустриальной инфраструктуры уменьшает валютные резервы страны, осуществляющей такую политику, и обусловливает в итоге негативный баланс платежей. Франк доказывает существование прямой связи между длительностью и успешностью ELI и размером внешнего долга страны. Уже в 1970-х годах задолженность таких стран, как Бразилия, достигает 50 млрд долл. США, Мексики — 50 млрд, Северной Кореи — по разным оценкам — от 7 до 10 млрд, а суммарный внешний долг этих стран составлял, по свидетельству Франка, “60% частной внешней задолженности примерно 130 стран третьего мира” [17, с. 104].

Сверхэксплуатация масс третьего мира требовала постоянного применения военно-политических репрессий для поддержания экономической “дисциплины” (то есть отсутствия организованного рабочего движения, способного защищать права пролетариата с помощью таких методов, как забастовки и давление на работодателей во время заключения коллективных соглашений с ними) и политической “стабильности”. Примером подобной комбинации акцента на стабильности и дисциплине может служить Индия времен чрезвычайного положения, объявленного правительством И.Ганди 25 июня 1975 года. Франк отмечает, что прогресс в сфере промышленных отношений (*industrial relations*) стал возможным благодаря атмосфере стра-

ха, а работодатели с энтузиазмом приветствовали репрессии правительства против профсоюзов в случае сопротивления со стороны последних. Франк приводит мнение одного из промышленников: "В настоящее время (то есть после введения чрезвычайного положения. — *П.К.*) ситуация просто замечательная. Раньше у нас были очень серьезные проблемы с профсоюзами. Отныне, если они создают нам какие-либо проблемы, правительство их просто арестовывает" [цит. по: 17, с. 196]. Экономическим объяснением сверхэксплуатации служит, с точки зрения Франка, стремление капитала из стран центра сохранить нормы прибыли, несмотря на кризис. Основанием концепции сверхэксплуатации Франка стало замечание Маркса о том, что движущим мотивом капиталистического процесса производства и его определяющей целью является как можно больший прирост капитала, то есть неустанно растущее производство прибавочной стоимости и, соответственно, усиление эксплуатации рабочей силы капиталистом [см.: 20, с. 342]. Франк определяет сверхэксплуатацию как стремление капитала к снижению доходов рабочих, которые становятся меньше, чем необходимо для воспроизводства рабочей силы, и, таким образом, превращают фонд необходимого потребления рабочего в фонд накопления капитала.

Хотя Франк и прав в том, что оценка инвестиционного климата в странах периферии и полупериферии со стороны правительств и капитала центра нередко улучшалась с приходом там к власти авторитарных режимов, эксплицитное предположение Франка о постоянной причастности правительств центра к подобным политическим изменениям далеко не всегда соответствует историческим фактам. Например, переворот 1961 года в Южной Корее под руководством генерала Пак Чан Хи не вызывал со стороны США ни малейшего энтузиазма, и только абсолютная пассивность "законного" правительства этой страны, отказавшегося от сопротивления мятежникам, заставила американских лидеров признать новую хунту.

Кризис накопления привел к цепной реакции политического кризиса, вызывавшего, как правило, авторитарный ответ. Среди радикальных теоретиков стало популярным применять концепцию фашизма к латиноамериканской военной хунте. Дос Сантос, например, еще в середине 90-х годов минувшего столетия неустанно провозглашал, что фашизм — это "режим монополистического капитализма, основывающийся на терроре. Именно так и произошло между 1964 и 1976 годами в Латинской Америке и других регионах третьего мира" [7, с. 162]. Позиции Франка относительно этой проблемы характерна как логическая четкость, так и социологическая адекватность. По его мнению, хотя латиноамериканские диктатуры и были результатом "альянса интернационального капитала либо с ограниченными сегментами локальной (антиколониальной) монополистической буржуазии (там, где она существует), либо с бюрократической и военной (мелкой) буржуазией, либо с объединением обеих" [17, с. 239], они принципиально отличались от фашистских режимов. В противовес классическому фашизму, направленному на внешнюю экспансию и опиравшемуся на массовую мобилизацию, репрессивные режимы третьего мира зависели от внешних сил и сдерживали массовую мобилизацию.

Нельсон Рокфеллер, губернатор штата Нью-Йорк, посетив в 1969 году ряд стран Латинской Америки для сбора информации, отметил эту тенденцию к установлению военных авторитарных режимов, однако в своем докладе он расценил этот феномен как положительный сдвиг: "Новый тип во-

енного приобретает вес и часто становится главной силой конструктивных социальных изменений в Американских Республиках. Этот новый тип военного мотивируется все большим отвращением к коррупции, неэффективности и застойному политическому порядку, а значит готов приспособить свою авторитарную традицию к целям социального и экономического прогресса" [цит. по: 17, с. 242]. Такое позитивное восприятие авторитаризма вписывалось в господствующий "модернизационный" дискурс, один из наиболее уважаемых представителей которого С.Хантингтон рассматривал и ленинские, и либеральные режимы как базирующиеся на участии граждан в политическом процессе. Впрочем, его понимание "участия" опиралось не столько на принцип волюнтаристского действия, сколько на способность политических институтов режимов инкорпорировать, мобилизовать и контролировать население. Но, пожалуй, самой главной чертой этих режимов была настроенность на определенную форму социально-экономических изменений, а это соответствовало господствующему *Zeitgeist*[1] и давало основания некоторым исследователям и политикам воспринимать их как "модернизационные" (во всяком случае упомянутый выше С.Хантингтон считал, что различия между политическими системами СССР, с одной стороны, и Великобритании и США — с другой, гораздо меньше по сравнению с пропастью, разделяющей эти три страны с институционализированнными политическими системами от сообществ третьего мира, которые "модернизируются" и имеют низкий уровень "управимости").

В отличие от Валлерстайна, полагавшего, что периферийные государства всегда являются слабыми, Франк справедливо указывал на потребность метрополии в относительно эффективных государствах, способных поддерживать порядок и выступать в роли посредника между метрополисом и местными интересами.

Неортодоксальность и новаторство взглядов Франка проявляются в том, что он не ограничился анализом проявления мирового кризиса в третьем мире; он также обращает свой исследовательский взор на второй мир, то есть на "социалистический лагерь". Франк считает, что левые и марксизм как течение в 70-х годах прошлого века переживали глубокий кризис, ставший отражением политико-экономического кризиса ленинских режимов. В исторической перспективе утверждения о кризисе ленинизма в тот исторический период ныне звучат как общее место, однако не следует забывать, что в те времена для большинства специалистов Советский Союз представлялся могучим Бегемотом, существованию которого ничто не угрожает. Франк считал, что в качестве интегральной части мировой капиталистической системы "социалистические" страны также оказались под действием кризиса, ведь, как вынужден был признать Л.Брежнев: "Поскольку существуют широкие экономические связи между капиталистическими и социалистическими странами, негативные последствия нынешнего кризиса на Западе влияют и на социалистический мир" [цит. по: 17, с. 318]. Лидер социалистической Болгарии Т.Живков высказывался еще более радикально: "Мы надеемся, что кризис, наносящий такой вред Западу, быстро закончится, поскольку он влияет на экономику Болгарии и создает ситуацию неопределенности для нее, а экономика страны в определенной мере зависит от торговли с За-

---

1 Дух эпохи (*нем.*).

падом" [цит. по: 17, с. 318]. Подобные заявления — прошедшие мимо внимания большинства "советологов" — отражали глубокие проблемы ленинизма на институциональном и идеологическом уровнях. Сознавая себя как альтернативу либеральному капитализму, марксисты традиционно приветствовали кризисы капитализма, усматривая в них потенциал для оживления революционных движений, которые в таких условиях получали шанс прийти к власти и осуществить "переход от капитализма к социализму".

Активная экономическая интеграция ленинских режимов с Западом, часто принимавшая форму импорта технологий, наоборот, привела к увеличению у них отрицательного баланса торговли с 7 млрд долл. США в 1971 году до 60 млрд в конце 1970-х годов. Более того, "социалистические" страны компенсировали импорт технологий с Запада путем экспорта в страны центра, на две трети состоящего из нефти, газа и полезных ископаемых, и только треть экспорта приходилась на промышленные товары. Структура торговли между СССР и третьим миром имела аналогичные пропорции, однако теперь роль экспортера технологий принадлежала СССР, который закупал природные ресурсы в развивающихся странах. Все это, по мнению Франка, свидетельствовало о том, что "социалистические" экономики занимали промежуточное место в международном разделении труда, выступая по отношению к третьему миру в роли, эквивалентной функции Запада по отношению к "Московскому центру". Кризис капитализма поднял цены на импорт для "социалистических" стран и ограничил для них возможности экспорта. Такая реакция на кризис свидетельствовала о том, что действие закона стоимости распространялось и на "социалистические" страны, отрицая таким образом реальность сформулированного Сталиным особого закона стоимости для социалистической экономики. В целом же для Франка конфликт между Востоком и Западом (ленинизмом и либерализмом) был не более чем дымовой завесой конфликта между Севером и Югом (индустриализированными первым и вторым мирами и зависимым и недоразвитым третьим).

Экономический кризис социализма сопровождался кризисами политическим и идеологическим. Произошла "национализация" ленинских режимов по модели сталинской "легитимации" российского национализма (Р.Шпорлюк предложил весьма плодотворный анализ такой политики ленинцев под предводительством Сталина). Вьетнамские коммунисты в свете обострения конфликта с Китаем осуществили "чистку" партии и вооруженных сил от этнических китайцев. Как советская версия идеологии ленинизма, так и ее китайская интерпретация утратили свой трансформационный потенциал и не пред лагали социалистической альтернативы капитализму. Франк также подчеркивал, что националистические, региональные и религиозные чувства стали мощными мотиваторами оппозиции ленинским режимам и в перспективе могут спровоцировать военные конфликты между социалистическими странами, поскольку считал, что эти движения очень часто находятся под контролем реакционных общественных сил и идеологий. Гражданские и межнациональные конфликты и полномасштабные войны на территории бывшего Советского Союза и Югославии послужили убедительным подтверждением правильности Франкового прогноза. Таким образом, кризис капитализма стал гораздо более серьезным испытанием для его ленинских оппонентов, которым так и не удалось преодолеть его последствий и в течение следующего десятилетия пришлось прекратить свое существование в качестве специфической политико-экономической и социокультурной формации.

Выводы: критика, оценка и инкорпорация

Масштабные — по предмету, целям и методологии — исследования Франка занимают достойное место в истории социологической теории. Они стали общим местом в дискурсе современных исследователей и продолжают стимулировать дебаты по поводу наиболее острых социальных проблем нашего времени. Но такая значимость идей Франка отнюдь не должна приводить к некритической инкорпорации его разработок, а тем более к их механистическому применению, поскольку задача применения является не менее комплексной, нежели конструирование теории как таковой.

Актуальность идей Франка можно оценить сразу в нескольких плоскостях. Он является одним из немногих социологов, которым удавались корректные прогнозы относительно тенденций общественного развития, причем не только в Латинской Америке, но и за ее пределами, что служит дополнительным аргументом в пользу необходимости серьезного внимания к его теориям и их использованию. Исследователи современной, посткардозовской Бразилии демонстрируют, в частности, что механизмы зависимости продолжают функционировать, продуцируя недоразвитие. Наличие такого явления, как "новый мир долга", если воспользоваться удачным выражением С.Стрейндж, не в состоянии опровергнуть самый убежденный дюркгеймианец. Франк убедительно доказал, что задолженность — это инструмент неоколониализма для "перекачивания" прибавочной стоимости из стран периферии в центр. По подсчетам Франка, эти перемещения капитала с Юга на Север ежегодно составляют 100 млрд долл. США в 80–90-х годах XX века. С точки зрения задолженности происходит слияние бывшего второго мира с третьим: "Венгрия выплатила кредиторам сумму, втрое превышающую ее долг, при этом ее задолженность возросла вдвое! Если руководствоваться "буржуазным" законодательством, в любой "нормальной" капиталистической стране такая ситуация, вне всякого сомнения, уже давно была бы разрешена ради "общего блага" путем банкротства или облегчения режима долга. Однако эти преимущества цивилизации "первого" мира не распространяются на "второй" или "третий" миры. В течение 80-х годов XX века годовое обслуживание долга странами третьего мира требовало приблизительно 6,5% их ВВП. Даже военные репатриации Германии в 1920-е годы не превышали 2% и увеличились до 3,5% в 1929–1931 годах, став одним из факторов возвышения Гитлера, который прекратил эти выплаты" [21, с. 35]. Результатом подобных тенденций становится не развитие, а *недоразвитие*, поэтому менеджмент задолженности и кризисов занимает место "развития как свободы" (А.Сен).

Акцентирование Франком справедливости и приоритета равных возможностей по сравнению с эффективностью оказывается на удивление релевантным для случая современного украинского общества, поскольку господствующий дискурс украинского истеблишмента сосредоточен на вопросе о перспективах экономического роста, тогда как возможность перехода от политики и идеологии роста к политике и идеологии развития, стимулируемого государством, которое использует творческий потенциал демократии и продуцирует режим всеобщего благосостояния, не формулируется как проблема социологического познания и социальной практики.

Взятая в качестве эпиграфа к этой статье цитата из романа современного американского писателя Тома Вулфа — а литература, по точной характе-

ристике Энгельса творчества Бальзака, может предоставить исследователю беспрецедентную по своему богатству информацию о социальных процессах — в очередной раз демонстрирует, что роль концепций определяется их социокультурным контекстом, а значит, мы не должны некритически разделять антибуржуазность Франка (хотя его подозрительное отношение к господствующим классам может служить полезной точкой отсчета для социологического анализа реальной политики). Буржуазия, не будучи гарантом формирования демократии, вместе с тем не лишена выборочного сродства с публичной сферой в форме гражданского общества, являющегося одной из предпосылок возникновения модерного демократического политического общества. Именно поэтому более адекватной представляется теория, которая опирается на понятие контингентности концептуально и на этику ответственности (а не на этику убеждений) нравственно-идеологически, что позволяет избежать антиисторического априоризма, следствием которого может оказаться теоретическая апология роли конкретных социальных сил или институтов (пролетариат как средоточие солидарности; буржуазия как гарант демократии; самодовлеющий рынок как основа процветания; гражданское общество как предпосылка демократии; государство как Левиафан, посягающий на автономную публичную сферу; государство как инициатор развития, догоняющего развитые страны) в процессе социальных изменений.

Очевиден кризис традиционных лидерства, гегемонии, легитимности господства в глобальном масштабе; более того, кризис переживают и академические дисциплины, выдвигающие своим заданием диагноз Zeitgeist. Обычные интерпретации, основанные на дихотомическом мышлении — капитализм против коммунизма; либерализм против религиозного фундаментализма; рынок против государства; государство против гражданского общества, — исчерпали себя. Как варианты “выхода” из системы глобального капитализма (идея С.Амина), так и призывы к ускорению темпов “глобализации” не являются адекватным теоретическим и политическим ответом на вызовы нынешнего дня. Ответ следует искать на пути синтеза, задачами которого являются переформулирование пресуппозиций “традиционной” социологической теории и развитие концепций, сочетающих теоретическую адекватность с чувствительностью к социальной справедливости. Именно здесь уместны взгляды Франка с их акцентом на гетерогенных путях установления социальной справедливости и отрицанием гегемонии установок гомогенизации (партикуляризма универсального, как назвал этот феномен Франк еще в 60-е годы прошлого века. Интересно, что понятие хитрости империалистического ума П.Бурдье аналогично по своему смыслу и критической направленности Франковой интерпретации партикуляризма универсального). Это не означает, что концепции Франка могут и должны использоваться как единственная основа для конструирования новых теорий; в конечном счете, истерическое увлечение справедливостью не имеет ни малейших *аксио*логических преимуществ по сравнению с прозелитизмом индивидуалистической конкуренции. Пафос этого эссе заключается в акцентировании релевантности Франковых подходов к постижению проблем современного общества. Таким образом, перспективной представляется ревизия его фундаментальных положений в свете традиций, ценность которых сам Франк склонен оспаривать (я имею в виду веберовско-парсонсовское наследие). Франк, хотя и говорит о культурной зависимости, рассматривает ее как эпифеномен по сравнению с экономической зависимостью. Итак, мы можем сделать следующий

вывод: концепция зависимости Франка требует переформулирования в терминах, позволяющих инкорпорировать и адекватно оценить роль социокультурных факторов в социальном (не только экономическом) продуцировании зависимости. То есть мы можем определить ситуацию зависимости локального общества как способность внешних сил (индивидуальных национальных государств или ядра капиталистической мир-системы) контролировать и определять направление его институционализированных экономических и политических действий. При этом внешние силы получают статус "референтной группы", или "значимого другого" по отношению к локальным правящим слоям, а иногда и для общества в целом. Такое переформулирование категории зависимости превращает ее в адекватный аналитический инструментарий не только для понимания динамики третьего мира, но и для интерпретации общественной трансформации постленинизма.

Литература

1. *Burawoy M., Krotov P.* The Soviet Transition From Socialism to Capitalism // American Sociological Review. — 1992. — Vol. 57. — № 1; *Burawoy M.* The State and Economic Involution: Russia Through China Lens // World Development. — 1996. — Vol. 24. — № 6; *Nolan P.* China's Rise, Russia's Fall // The Journal of Peasant Studies. — 1996/1997. — Vol. 24. — № 1/2.

2. *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. — М., 1998.

3. *Левада Ю.* Фашизм // Философская энциклопедия : В 5-ти т. — М., 1970. — Т.5.

4. Weber's "Protestant Ethic": Origin, Evidence, Context / Ed. by H.Lehmann, G.Roth. — Cambridge, 1993.

5. *Кутуев П.В.* Классическая социология и современная социальная теория // Философская и социологическая мысль. — 1995. — № 1/2.

6. *Dos Santos T.* The Structure of Dependence // Development and Underdevelopment: The Political Economy of Global Inequality / Ed. by M.A.Seligsin, J.T.Passe-Smith. — Boulder; L., 1998.

7. *Dos Santos T.* Latin American Underdevelopment: Past, Present, and Future // The Underdevelopment of Development / Ed. by S.C.Chew, R.A.Denemark. — L., 1996.

8. *Chirot D.* Changing Fashions in the Study of the Social Causes of Economic and Political Change // The State of Sociology / Ed. by J.Short. — Beverly Hills, 1981.

9. *Herzfeld M.* The Social Production of Indifference. — N.Y.; Oxford, 1992.

10. *Gusfield J.R.* Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // American Journal of Sociology. — 1967. — Vol. 72. — № 4.

11. *Frank A.G.* Latin America: Underdevelopment or Revolution. — L.; N.Y., 1969.

12. *Baran P.* On the Political Economy of Backwardness // The Economics of Underdevelopment / Ed. by A.N.Agarwala, S.P.Singh. — N.Y., 1963.

13. *Kennedy P.* The Rise and Fall of Great Powers. — L., 1989.

14. *Baran P.* The Political Economy of Growth. — N.Y., 1957.

15. *Bagchi A.K.* The Past and the Future of the Developmental State // Journal of World-Systems Research. — 2000. — Vol. 6. — № 2.

16. *Frank A.G.* Dependence Is Dead, Long Live Dependence and the Class Struggle: An Answer to Critics // World Development. — 1977. — Vol. 5. — № 4.

17. *Frank A.G.* Crisis: In the Third World. — N.Y.; L., 1981.

18. *Кутуєв П.В.* Чи потрібен розвиток після розвитку? Дискурс построзвитку в західній соціології розвитку і модернізації // Мультиверсум. — 2003. — Вип. 32.

19. *Escobar A.* Encountering Development. — Princeton, 1995.

20. *Маркс К.* Капитал. — М., 1988. — Т. 1.

21. *Frank A.G.* The Underdevelopment of Development // The Underdevelopment of Development / Ed. by S.C.Chew, R.A.Denemark. — L., 1996.